

— Если он не согласится, свадьбы не будет, — спокойно сказала Лю Цуйхуа. — Я выйду за него замуж, но это не значит, что я не могу зарабатывать на жизнь. Он, конечно, может зарабатывать, но я всё равно не хочу сидеть дома и быть какой-то там птичкой.

— Золотой канарейкой! Золотой канарейкой! — поспешно уточнил Вэнь Жунь, чтобы избежать недоразумений.

— Да какая разница, канарейка или нет! Главное — не сидеть дома без дела. В поле работать уже не смогу — здоровье, боюсь, не выдержит. Лучше буду дома готовить и присматривать за детьми, — сказала Цуйхуа, излагая свои надежды.

— Но если ты станешь женой Ма Саня, боюсь, ты больше не сможешь выполнять эту работу, — покачал головой Вэнь Жунь. — Хотя... если ты придёшь к нам в дом в качестве няни, специально чтобы присматривать за детьми, тогда это вполне возможно. И это тоже работа.

Ведь няня, присматривающая за маленькой барышней в богатом доме, — должность вполне почётная. Ей даже не нужно записываться в сословие слуг. Обычная женщина из приличной семьи, чистоплотная и воспитанная, — такая работа считалась весьма уважаемой.

Однако у Ма Саня, скорее всего, хватало денег на содержание семьи, и было бы неприлично, если бы его жена уходила на работу к другим. Люди начали бы сплетничать: мол, женился, а прокормить жену не может, заставляет её работать у чужих.

К тому же оба они были во втором браке. Если бы пошли слухи, что Ма Сань презирает разведённую женщину и заставляет её работать в доме старой семьи Ван, это прозвучало бы ещё хуже.

Поэтому Вэнь Жунь придумал решение: пусть тётушка Цуйхуа просто займётся детьми.

В их доме одни мужчины — нанять няню для маленькой Ван Мэй было бы очень кстати!

— Хорошо, а с кухней как быть? — спросила она. — Если я буду отвечать только за заботу о молодой леди, то кто будет готовить?

Жена Чэнь Цяна не подходила: она отлично пекла сладости и знала правила приличного поведения в знатных домах, но вот обычная готовка и стирка у неё шли плохо.

— Посмотрю ещё, — сказал Вэнь Жунь, протирая лицо. — Либо найму кого-нибудь, либо куплю людей. Куплю пару женщин, пусть только стирают, готовят и убирают — вполне реально.

— Не надо никого нанимать, лучше купить, — сказала тётушка Цуйхуа. — В Ляньхуаао мало людей, да и все заняты полевыми работами, хозяйство ведут сами женщины — некому уходить на работу. А если купить, так и проще будет.

Она не стала уточнять, о чём именно идёт речь.

Всё равно это были лишь мелкие бытовые ссоры и недоразумения.

— Тогда пусть будет так, — согласился Вэнь Жунь. Ему и самому хотелось нанять несколько женщин для ведения домашнего хозяйства: сейчас дел и правда было слишком много, даже простая стирка утомляла.

Чэнь Сюй как-то даже упомянул, что руки его матери стали грубыми от работы. Каждый раз, когда она ездила в город, обязательно заходила в лавку косметики, чтобы купить немного крема для рук.

Поскольку Вэнь Жунь уже дал согласие, Лю Цуйхуа снова отправилась в дом старика Яна.

После двухдневных переговоров Ма Сань ушёл довольный, а Цуйхуа вернулась и сообщила Вэнь Жуню:

— Он согласился.

— Он и правда согласился? — удивился Вэнь Жунь. В древности репутация и лицо имели огромное значение, а Ма Сань всё-таки настоящий уездный стражник.

— Если бы он не согласился, я бы и не вышла замуж, — ответила Цуйхуа. — К тому же здесь я буду просто присматривать за молодой леди, да и у жены Чэнь Цяня многому можно научиться. Я уже немного читать умею! Когда она учит молодую леди, я рядом сижу и тоже учусь. Чувствую, что мой кругозор сильно расширился.

Она не смогла сдержать улыбки:

— Жена Чэнь Цяня очень умная, даже читает рассказы! Жаль, что я пока мало знаю иероглифов и не могу сама читать. Но когда выучу побольше — обязательно начну читать рассказы.

— Отлично, это замечательно, — одобрил Вэнь Жунь.

В то время женщины, умеющие читать, встречались редко. Обычно они читали такие книги, как «Биографии благородных женщин» («Ле нью чжуань»), полные феодальных предрассудков и устаревших норм.

А вот читать рассказы (так в древности называли художественные повести) — уже большое достижение. Чаще всего женщины читали буддийские сутры. Если бы кто-то осмелился читать такие произведения, как «Павильон пионов» или «Западный флигель», это сочли бы крайне

вольным и непристойным поведением!

Но главное — иметь мечту, цель и надежду. Пусть у неё есть стремление, пусть жизнь наполняется смыслом — этого вполне достаточно.

Вэнь Жунь одобрил решение, и Цуйхуа собрала свои вещи: часть унесла обратно в дом старика Яна, а остальное оставила здесь.

Вэнь Жунь продолжал заниматься с детьми, а его сестрёнку Ван Мэй временно присматривала жена Чэнь Цяна.

Перед пятнадцатым числом месяца Вэнь Жунь специально взял пять дней отпуска. Одиннадцатого июля он отправился в уездный город, купил необходимые вещи и заодно заглянул на рынок невольников, где выбрал две семьи.

Обе семьи состояли из мужа, жены и двух детей. Мужчины умели управлять повозкой и ухаживать за скотом, женщины — готовить и стирать. Дети были девочками, но маленькими — лет одиннадцати-двенадцати, некрасивыми на вид. Красивых девочек давно бы уже скупили.

Также он приобрёл пять одиноких женщин — явно привыкших к тяжёлому труду: грубые руки, большие ноги, внешность невзрачная. Говорили, что их семьи погибли, и им больше не на что жить — они сами себя продавали, лишь бы дали поесть. Выглядело это очень жалко, поэтому Вэнь Жунь их и купил.

Он покупал их именно для работы, так что внешность его не интересовала. Цена оказалась очень низкой, и всех их записали на имя Вэнь Жуня.

Ведь он был цзюйжэнем, а значит, имел право иметь слуг и служанок.

Люди эти были худощавыми, но не до такой степени, чтобы выглядеть измождёнными. Несколько дней хорошего питания, новая одежда и отдых — и они будут готовы к работе.

На следующий день Вэнь Жунь вернулся в Ляньхуаао.

Он не только приобрёл новых слуг, но и закупил множество предметов для поминаения предков.

Тринадцатого июля он повёл всю семью на кладбище.

Сначала Вэнь Жунь совершил поминальный обряд у могил предков семьи Ван — это были могилы деда и бабки, а также родителей Ван Цзюня.

Затем он посетил могилы родителей матери Ван.

И, наконец, он подошёл к могилам своих собственных родителей и прародителей (то есть прежнего владельца этого тела). Хотя могилы были совсем новыми, Вэнь Жунь всё равно прополол вокруг траву, убрался, принёс цветы, фрукты, зажёл благовония, свечи и поднёс бумажные деньги для умерших.

Он также произнёс молитву. Обряд не был особенно пышным, но всё же значительно превосходил по торжественности поминовения других семей.

После поминовения все вернулись домой.

Той же ночью разразилась сильная буря: дождевые капли громко стучали по черепичной крыше, словно горох на сковороде. К счастью, дом Вэнь Жуня был хорошо звукоизолирован — иначе бы вообще невозможно было уснуть!

На следующее утро повсюду лежали опавшие цветы, небо было хмурым, время от времени дул прохладный ветерок.

Вэнь Жунь сидел в построенном на участке павильоне и любовался окрестностями.

Павильон был недавно возведён семьёй: основание из кирпича и камня, колонны из необработанного дерева, стены — из бамбука. Он был двухэтажным: нижний этаж оставили открытым и просторным, а верхний представлял собой настоящий изящный павильон, украшенный занавесками из высококачественного бамбука Сянчжу. В их краях такой бамбук был в изобилии — стоило только сходить в ближайший лес и нарезать хороших стволов, как можно было самим всё изготовить.

Идея построить павильон возникла после того, как Вэнь Жунь однажды залез на стену, чтобы наблюдать за стычкой между разбойниками и деревенскими жителями. Лю Саню и другим это показалось неприличным, поэтому решили возвести отдельную смотровую площадку. С неё можно было как обозревать всю деревню, так и видеть дорогу, ведущую в деревню и из неё.

Но главное — это ведь настоящий павильон!

С него открывался вид не только на деревню и дорогу, но и во все стороны: вдаль — на горы, окутанные туманом, и вблизи — на пруд, усыпанный цветущими лотосами.

Сегодня Вэнь Жунь в редком настроении наслаждался покоем: он сидел один, вокруг витал тонкий аромат цветов, слышалось щебетание птиц, в воздухе чувствовалась свежесть после дождя, а лёгкий летний ветерок ласково обдувал лицо.

Утром он выпил лишь одну чашку рисовой каши, а теперь, устроившись здесь, пил зелёный чай

и ел сладости — пирожки из зелёного горошка и лепёшки с османтусом. Всё это придавало ему вид настоящего отшельника-мудреца, живущего в горах.

К тому же сегодня он надел белую шелковистую одежду. Когда ветер развеивал его рукава и повязку на волосах, он выглядел по-настоящему неземным, почти божественным.

Чэнь Сюй поднялся наверх и заменил остывший чайник на свежий, горячий.

Вэнь Жунь даже не обернулся — он сразу узнал, кто пришёл, и продолжал смотреть вдаль, на размытые дождём очертания гор:

— Сегодня пятнадцатое июля. Вечером поужинаем пораньше и ляжем спать. Ни в коем случае не выходите из дома в полночь.

— Слушаюсь, господин, — ответил Чэнь Сюй и после паузы добавил: — Может, позвать двух молодых господ к вам в компанию?

— Позови их, — сказал Вэнь Жунь. — Пусть не только учатся. У меня здесь шахматная доска — пусть сыграют партию. Это тоже полезно.

— Слушаюсь! — Чэнь Сюй быстро спустился за ними.

Ван Цзюэ и Ван Цзинь тут же поднялись наверх.

Поскольку сегодня был выходной, мальчишки были одеты просто: короткие рубашки, брюки до колен и сандалии из соломы, которые громко шлёпали по ступенькам:

— Гэфу, мы пришли!

— Хорошо, идите сюда, вымойте руки и садитесь играть, — сказал Вэнь Жунь. — Я уже учил вас. Хотя игра в шахматы не входит в «Шесть искусств благородного мужа», всё же это то, чему вам стоит научиться. Другие искусства нам не по карману, но шахматы и управление повозкой — вполне доступны.

«Шесть искусств» — это шесть дисциплин, обязательных для благородного мужа в древности: ритуалы (ли), музыка (юэ), стрельба из лука (шэ), управление колесницей (юй), письмо (шу) и арифметика (шу). Обучение этим искусствам шло постепенно, в зависимости от возраста ученика и сложности предмета. При этом «письмо» и «счёт» считались «малыми искусствами» — начальным уровнем, тогда как ритуалы, музыка, стрельба и управление колесницей относились к «великим искусствам» — высшей ступени образования.

Мальчишки уже освоили чтение и счёт. Музыкай заниматься было не с кем — никто в округе не

играл на инструментах. Луков и стрел тоже не было.

Зато управление повозкой освоить удалось — с этим у них всё в порядке.

Вэнь Жунь подумал: не спросить ли у Ван Цзюня, служит ли в армии кто-нибудь, кто умеет стрелять из лука? Может, можно пригласить такого человека, чтобы обучал ребят?

Не обязательно, чтобы они стали меткими стрелками, способными поразить цель на сотню шагов, но хоть немного воинского искусства — для здоровья и самообороны — было бы очень кстати.

Братья уселись по обе стороны от Вэнь Жуня, достали доску и начали партию... в гомоку (пять в ряд).

Го (вейци) для них пока было слишком сложно — начали с простого.

Так трое братьев и Чэнь Сюй провели в павильоне немного времени, как вдруг снова пошёл дождь — тихий, монотонный, словно не желая прекращаться. Даже ветер стал влажным.

— Опять дождь, — с лёгкой грустью сказал Вэнь Жунь, глядя на серую завесу за окном. — Это уже второй летний сезон, который я провожу здесь.

Он прибыл сюда весной прошлого года... Кто тогда мог подумать, что всё сложится именно так!

Никто не ответил на его слова, и Вэнь Жунь замолчал сам, уткнувшись в пейзаж за окном. Остальные трое последовали его примеру — четверо молча смотрели на дождь.

Так они просидели до самого полудня, пока снизу не раздался голос жены Чэнь Цяна:

— Обед готов! Господин, молодые господа, сын Сюй, спускайтесь кушать!

— Что сегодня на обед? — спросил Вэнь Жунь, направляясь вниз первым.

— Курица, запечённая в листьях лотоса, суп из рёбер с лотосом и свежесваренный красный рис, — улыбаясь, ответила она. — А для детей сварила сладкий суп из яиц, ферментированного риса и семян эвриалы.

— И это можно давать детям? — удивился Вэнь Жунь. Он обычно не разрешал детям есть блюда с ферментированным рисом (цзюньцзянь), но дети обожали это лакомство — чем строже запрещал, тем больше хотели попробовать.

Новые служанки находились под началом жены Чэнь Цяна. Теперь она фактически стала управляющей домом: ей подчинялись семь женщин. Одни отвечали за готовку и стирку, другие — за уборку.

Две купленные семьи занялись уходом за лошадьми и повозками. За свиньями, коровами и ослами по-прежнему ухаживали наёмные работники.

Жёны из этих семей стирали бельё.

А пять женщин, купленных отдельно, занимались уборкой, готовкой и прочими мелкими делами — вроде подогрева воды для купания и развешивания белья.

У каждой из них оказались свои умения. Даже двое из них раньше работали поварами в знатных домах. Правда, умели готовить только простые домашние блюда — ничего выдающегося, но вполне съедобно. Сама они говорили, что в прежнем доме поварих было человек пять-шесть, и они были самыми низшими среди них.

Вэнь Жуня совершенно не интересовало их прошлое. Он знал лишь одно: теперь они все одиноки, без семьи и детей.

Приехав сюда, они обнаружили, что условия неплохие, и спокойно принялись за работу.

Что до жалованья — этим тоже заведовала жена Чэнь Цяна. Вэнь Жунь выдал ей двести лянов серебра и пять тысяч медяков с распоряжением тратить по своему усмотрению. Если не хватит — всегда можно попросить ещё.

С появлением прислуги в доме Вэнь Жуня отпала необходимость лично заниматься множеством мелких хлопот, и он наконец-то смог перевести дух.

После обеда он невольно спросил:

— Когда же тётушка Цуйхуа выходит замуж?

— Восемнадцатого июля, — ответила жена Чэнь Цяна. — Семнадцатого придут сваты, привезут свадебные дары, а восемнадцатого — сама свадьба. Она сказала, что двадцать первого вернётся на работу.

Пятнадцатого июля никто не женился — разве что устраивали посмертные свадьбы («свадьбы мёртвых»).

— Да уж, сроки-то какие сжатые! — Вэнь Жунь едва сдержал улыбку. — Успеют ли они всё подготовить?

— Успеют, успеют! — заверила его жена Чэнь Цяна. — Ведь это не первый брак для неё. Хотя для Ма Саня — первый. Но он сам сказал: пусть всё будет как при первом браке, но максимально просто и быстро. Ему хочется поскорее дать Цуйхуа официальный статус жены.

— А Цуйхуа довольна? — не удержался Вэнь Жунь. — Мне показалось, будто ей всё равно.

— Не то чтобы недовольна... но и особо не радуется, — вздохнула жена Чэнь Цяна. — Ма Сань, конечно, вроде бы человек влюблённый, но кто знает, сохранит ли он те же чувства и после свадьбы?

Она выразилась весьма деликатно, но Вэнь Жунь прекрасно уловил смысл: даже она не могла поручиться, что этот брак принесёт счастье.

Немного обеспокоенный, Вэнь Жунь вернулся в свои покои и лёг вздремнуть. За окном всё ещё шёл дождь, хотя и значительно ослабел. Поднялся лёгкий туман, а капли с крыши, падая на ступени, поднимали крошечные брызги.

Днём делать было нечего, и Вэнь Жуню вдруг захотелось заняться живописью. Он отправился в кабинет, расстелил бумагу и достал семнадцать-восемнадцать кисточек.

Он хорошо владел техникой гунби (традиционной китайской миниатюрной живописи), хотя на самом деле ещё лучше умел писать реалистичные масляные картины.

Правда, здесь, в этом мире, не было ни красок, ни холстов, ни всего прочего, необходимого для масляной живописи, так что пришлось ограничиться классическим гунби. Это был первый раз с тех пор, как он попал сюда, когда у него появилось настоящее желание предаться подобному изящному досугу.

Но что же нарисовать?..

<http://bllate.org/book/15642/1398129>